

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365 (print)

ISSN: 3006-1377 (online)

№2 (109)

Астана
2025

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– Саяси ғылымдарының кандидаты (алқа төрағасы) (Қазақстан)

ИБРАЕВА
Ақмарал Ғосманқызы

– алқа төрағасының орынбасары, Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ
Жәкен Қожахметұлы

– ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашұлы

– тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ
Жанат Әскербекқызы

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ҮМІТҚАЛИЕВ
Ұлан Үмітқалиұлы

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

ЖАБАҒИН
Мақсат

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

СЫДЫҚОВ
Айбек Жексеналыұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

БИҒОЖИН
Ұлан Зейноллаұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD докторы (Қазақстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD докторы (Қазақстан)

ҚАРА
Әбдуақап

– доктор, профессор (Түркия)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (АҚШ)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

РАДИВОЖЕВИЧ
Мильяна

– PhD, қауымдастырылған профессор (Ұлыбритания)

EDITORIAL BOARD:

Berik Abdygaliuly	– Candidate of Political Science (Chairman of the editorial board) (Kazakhstan)
Akmaral Ibrayeva	– Deputy chairman of the editorial board, Academician of the National Academy of Natural Sciences of Kazakhstan, Doctor of historical sciences, Professor (Kazakhstan)
Zhaken Taimagambetov	– Academician of NAS RK, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Zainolla Samashev	– Doctor of Historical Sciences, (Kazakhstan)
Zhanat Aimukhambet	– Doctor of Philology, Professor (Kazakhstan)
Ulan Umitkaliev	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Victor Merts	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Maxat Zhabagin	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Aibek Sydykov	– Doctor PhD (Kazakhstan)
Ulan Bigozhin	– PhD (Kazakhstan)
Zhaxylyk Sabitov	– PhD (Kazakhstan)
Paula Dupuy	– PhD (Kazakhstan)
Kara Abdulvahap	– Doctor, professor (Turkey)
Uli Shamiloglu	– PhD, professor (USA)
Gulnara Aitpaeva	– Doctor of Philology, Professor (Kyrgyzstan)
Radivojevic Miljana	– PhD, Associate professor (UK)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– Кандидат политических наук (председатель коллегии) (Казахстан)

ИБРАЕВА
Акмарал Госмановна

– заместитель председателя коллегии, Академик Казахстанской национальной академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

ТАЙМАГАМБЕТОВ
Жакен Кожаметович

– Академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашевич

– доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

АЙМУХАМБЕТ
Жанат Аскербековна

– доктор филологических наук, профессор (Казахстан)

УМИТКАЛИЕВ
Улан Умиткалиевич

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

ЖАБАГИН
Максат

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

СЫДЫКОВ
Айбек Жексеналыевич

– PhD доктор (Казахстан)

БИГОЖИН
Улан Зейноллаулы

– PhD доктор (Казахстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD доктор (Казахстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD доктор (Казахстан)

КАРА
Абдуакап

– Доктор, профессор (Турция)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (США)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– доктор филологических наук, профессор (Кыргызстан)

Радивожевич Мильяна

– PhD, ассоциированный профессор (Великобритания)

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Археология / Archaeology / Археология

<i>Молдахмет А.</i> 2001–2008 жылдары Қаратауда жүргізген археологиялық зерттеулер (Тұран археологиялық экспедициясы материалдары негізінде)	
<i>Молдахмет А.</i> Археологические исследования в Каратау в 2001–2008 годах (по материалам Туранской археологической экспедиции)	
<i>Moldakhmet A.</i> Archaeological research the Karatau mountains in 2001–2008 (based materials of the Turan archaeological expedition).....	6
<i>Shametov S., Eraliyeva S., Nurakhmetova K., Orazov T.</i> Archeological monuments of Turkestan region in the Turkestan archaeological expedition research	
<i>Шаметов С.Т., Ералиева С.А., Нурахметова Қ.А., Оразов Т.Б.</i> Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеулеріндегі Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштері	
<i>Шаметов С.Т., Ералиева С.А., Нурахметова Қ.А., Оразов Т.Б.</i> Археологические памятники Туркестанского края в исследованиях Туркестанской археологической экспедиции.....	26
<i>Кузнецова Т.</i> О роли зеркал в погребальном обряде скифо-сарматской эпохи	
<i>Кузнецова Т.</i> Скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу рәсіміндегі айнаның рөлі	
<i>Kuznetsova T.</i> On the role of mirrors in the funeral rites of the Scythian-Sarmatian era.....	37
<i>Абилева Н.М., Аққошқарова Ж.Т.</i> Орталық Азия елдеріндегі қыш өндірісінің этнографиясы	
<i>Абилева Н.М., Аққошқарова Ж.Т.</i> Этнография гончарства стран Средней Азии	
<i>Abileva N.M., Akkoshkarova Zh.T.</i> Ethnography of pottery of Central Asian countries.....	68
<i>Мұстажап А.Ш.</i> Ортағасырлық Сарайшықтың қыш өндірісі: археологиялық және мәдениеттанулық талдау	
<i>Мұстажап А.Ш.</i> Гончарное производство средневекового Сарайшыка: археологический и культурологический анализ	
<i>Mustazhap A.Sh.</i> Pottery Production in Medieval Saraishyk: an archaeological and cultural analysis.....	84
<i>Каримова К.Г.</i> З. Самашевтің ортағасырлық қала мәдениетіне қатысты зерттеулері (Сарайшық қаласы негізінде)	
<i>Каримова К.Г.</i> Исследования З. Самашева, Посвящённые культуре средневековых городов (на примере города Сарайшык)	
<i>Karimova K.G. Z.</i> Samashev's research on medieval urban culture (based on the example of the city of Saraishyq).....	97
<i>Рысбергенев М.</i> Функционально-семантические интерпретации курганов с каменными грядами: историографический обзор	
<i>Рысбергенев М.</i> Тас қатарлары бар қорғандардың функционалды-семантикалық түсініктемелері: тарихнамалық шолу	
<i>Rysbergenov M.</i> Functional and semantic interpretations of kurgans with stone alignments: a historiographical review.....	109

Этнология / Ethnology /Этнология

<i>Мәулет. А.</i> Шыңжаң қазақтары аспаптық музыкалық мұрасының зерттелуі	
<i>Маулет А.</i> Изучение инструментального музыкального наследия казахов Синьцзяна	
<i>Maulet A.</i> The Study of the Instrumental Musical Heritage of the Kazakhs of Xinjiang.....	126
<i>Атдаев С.</i> Кара-Шайтан – связующее звено между Мервом и Бухарой	
<i>Атдаев С.Дж.</i> Мерв пен Бұхара арасындағы бітімгер - Қара-Шайтан	
<i>Atdaev S.</i> Kara-Shaytan – a connecting link between Merv and Bukhara.....	150

Рысбергенов М.

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок»

Астана, Казахстан

e-mail: rysbergenov.mussa@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУРГАНОВ С КАМЕННЫМИ ГРЯДАМИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Статья посвящена функционально-семантическому анализу курганов с каменными грядами, известными как курганы с «усами», распространенных в степных регионах Центральной Азии и Восточной Европы, преимущественно в Урало-Казахстанском регионе. Основываясь на археологических данных, историографическом обзоре и сравнительном анализе, автор приходит к выводу, что данные памятники относятся к раннетюркскому времени (IV–VII вв.) и имеют культово-мемориальное назначение. В работе рассматриваются различные гипотезы их функционально-семантического значения. Анализируются взгляды исследователей с учетом современных культурно-хронологических представлений. Обозначены ключевые функции, приписываемые данным сооружениям: культово-анцестральная, культово-солярная, праздничная, ритуально-очистительная и т.д. Особое внимание уделено концепциям А.З. Бейсенова и С.Г. Боталова, согласно которым курганы с «усами» выступают как храмы памяти и врата в загробный мир для высокостатусных усопших. Проанализированы элементы ритуала: установка сосудов, принесение в жертву лошадей, использование огня, размещение каменных изваяний. Работа подчеркивает важность комплексного подхода к изучению этих памятников. В результате предложено рассматривать курганы с «усами» как выражение трансцендентных представлений древних тюрков, связанных с культом предков, сакральным пространством и космогоническими ориентирами.

Ключевые слова. Степной пояс Евразии, курганы с «усами», курганы с каменными грядами, функционально-семантическая интерпретация

Для цитирования: Рысбергенов М. Функционально-семантические интерпретации курганов с каменными грядами: историографический обзор // Мадени мұра. 2025. № 2 (109). С. 109-125 (рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.07>

Введение

Курганы с «усами» представляют собой уникальный тип археологических памятников, широко распространенных в степных зонах Центральной Азии и Восточной Европы. На протяжении полувековой истории их осмысления ученые акцентировали свое внимание на типологии, культурно-хронологической атрибуции, происхождении и этнической принадлежности курганов с «усами». Несмотря на многолетние исследования, их культурно-хронологическая атрибуция остаются предметом научных дискуссий. Современные археологические данные позволяют предположить, что эти сооружения связаны с раннетюркскими племенами, что обогащает понимание процессов миграции и культурных трансформаций в регионе в IV–VII вв.

Вместе с тем одним из интересных аспектов изучения является функционально-семантическое толкование этих комплексов. В историографии данный аспект никогда прежде не был предметом отдельного комплексного исследования и оставался третьестепенным по отношению к наиболее актуальным проблемам курганов с «усами».

Настоящее исследование направлено на систематизацию и критическую оценку существующих функционально-семантических интерпретаций. В статье впервые предпринят историографический обзор и осуществлен анализ различных точек зрения, касающихся функционально-семантического аспекта изучения курганов с каменными грядами. Также впервые проведена систематизация исследовательских позиций по данному вопросу с их классификацией

на интерпретации функционального и семантического характера и соответствующей терминологической атрибуцией для наглядной фиксации идей исследователей.

Введение настоящего исследования обусловлено необходимостью актуализации данных по рассматриваемой проблематике в свете современных подходов, что способствует более глубокому пониманию культурного наследия раннетюркского периода и его места в истории Евразийских степей.

Материалы и методы

Исследование основано на комплексном анализе археологических и этноархеологических данных, касающихся курганов с каменными грядами.

Методологическая основа работы включает историографический анализ, позволивший систематизировать и критически оценить различные интерпретации курганов с «усами», предложенные исследователями с середины XX века по настоящее время; культурно-хронологический метод, примененный для определения времени возникновения и распространения памятников; сравнительно-типологический анализ, использованный для выявления региональных особенностей конструкции курганов и вариаций в ритуальной практике; семиотический и контекстуальный подход, направленный на выявление символического и мировоззренческого значения архитектурных элементов памятников – «усов», менгиров, ориентации по сторонам света, а также анализа их семантической нагрузки в древнетюркской культурной традиции.

Анализ

А.Х. Маргулан. Был первым исследователем, попытавшимся раскрыть функционально-семантический смысл курганов с «усами». Однако в своих работах ученый затрагивал этот вопрос вскользь, ограничиваясь своими наблюдениями, основанными на его обширных знаниях традиционного казахского быта и обычаев.

Функция. А.Х. Маргулан писал, что курганы с «усами» являются только ритуальными сооружениями, устроенными на месте трапезы или поминок (*культово-анцестральная функция*). Помимо этого, он предположил, что они могут быть и памятными сооружениями, возведенными после какой-нибудь катастрофы по типу массовой гибели населения вследствие чумы или нашествия врага (*мемориальная функция*) (Маргулан, 1948а: 122). В другой работе автор проводит связь между курганами с каменными грядами и казахским погребальным обычаем. Он отмечает, что после выноса тела покойного из юрты место, где оно располагалось, предавали огню, а затем на этом участке сооружали небольшой бугор, называемый «аруланган жер» (каз. *аруланган жер* – место, где был проведен обряд обмывания покойного). Это делалось для того, чтобы «чистое место» оставалось нетронутым и было защищено от случайного контакта с людьми и животными (*ритуально-очистительная функция*) (Маргулан, 1948б: 55).

Семантика. Изначальная интерпретация А.Х. Маргулана основана на пространственной организации кочевого аула, где в центре аула (курганной группы) имеется загон для

скота («котан» – каз. *қотан*), который ассоциируется с головной насыпью курганов с «усами» (*моделирование пространства*). В то же время сам курган ученый сравнивает с Солнцем, от которого на восток отходят лучи (*солярный культ*) (Маргулан, 1948а: 122). Согласно другой интерпретации, смысловая сторона головного кургана основана на почитании духа умершего, согласно которому месту обмывания тела усопшего придается сакральное значение (*сакрализация пространства на основе почитания могил предков*) (Маргулан, 1948б: 55).

М.К. Кадырбаев. Исследователь связывал курганы с «усами» с носителями тасмолинской культуры, что определило его толкование функционально-семантического значения этих комплексов.

Функция. М.К. Кадырбаев рассматривал курганы с «усами» как единые погребально-ритуальные комплексы тасмолинской культуры, где большой курган представляет собой погребальное сооружение, а малый курган и каменные гряды – ритуальные (*культово-солярная функция*).

Семантика. По мнению исследователя, ритуальное сооружение могло быть связано с почитанием Солнца (*солярный культ*). В подтверждение этого предположения автор приводит отрывки из Геродота, в которых упоминается жертвоприношение лошадей Солнцу, а также указывает на восточную ориентировку каменных гряд (Маргулан и др., 1966: 309-310, 431-432). Также, в качестве аргумента в пользу ритуального характера малого кургана и каменных гряд, автор приводит глиняные сосуды, громоздкость и плохое качество которых объясняет их ритуальным назначением (Маргулан и

др., 1966: 392-394).

А.М. Оразбаев. Не рассматривая этот вопрос отдельно, высказал мнение, что весь комплекс курганов с «усами» связан с ритуалом жертвоприношения лошади и с шаманистским культом поклонения Солнцу (*культуво-солярная функция, солярный культ*) (Оразбаев, 1969).

С.С. Сорокин. Первым высказал предположение о неодновременности двух составных частей комплекса с каменными грядами. Ученый рассматривал весь комплекс в рамках погребального и поминального актов.

Функция. Время возведения собственно кургана с «усами» он связывал с поминальными торжествами по умершему, захороненному в центре кургана (вроде казахского обряда «ас») (*культуво-анцестральная функция*).

Семантика. Исследователь относил курганы с каменными грядами к числу известных древностей, не связанных с погребением, таких как оленные камни и тюркские ограды с каменными изваяниями. Таким образом, по Сорокину курганы с «усами» выступали своего рода «сакральными маркерами» на местности (сакрализация пространства) (Сорокин, 1981).

А.З. Бейсенов. Вслед за М.П. Грязновым, М.К. Кадырбаевым и А.М. Оразбаевым исследователь связывал курганы с «усами» с носителями тасмолинской культуры. Однако его функционально-семантическая интерпретация характеризуется гибкостью, поскольку опирается на универсальные для кочевой ойкумены идеи.

Функция. Работы автора объединяют культовые и поминальные гипотезы, где он счел правомерным говорить о прощально-поминальном

обряде с солнечно-божественной направленностью, для проведения которого рядом с могилой умершего сородича или на территории родового кладбища возводились курганы с каменными грядами (Бейсенов, 1996: 41). Затем автор пишет о сложном поминальном обряде, в основе которого лежала идея прощания с умершим героем, и где культ огня и коня являются компонентами общего ритуала. Роль каждого элемента объясняется следующим образом: конь – перевозчик души умершего; глиняные сосуды – ритуальное возлияние; каменные гряды – огненные или солнечные лестницы, по которым душа умершего уходила на восток, к восходящему солнцу; восток – место пребывания душ умерших (*культуво-анцестральная функция*) (Бейсенов, 2017: 32).

Семантика. По А.З. Бейсенову курганы с «усами» представляли собой своего рода врата, направляющие душу покойного в страну Солнца, то есть в обитель богов. Таким образом, курганы с «усами» строились для проводов души умерших героев и являлись посредниками между Землей и Небом (*трансцендентно-эсхатологические идеи с элементами солярного культа*) (Бейсенов, 1996: 214-215; Бейсенов, 2017: 32).

С.Г. Боталов. Был основоположником пересмотра культурно-хронологической атрибуции курганов с «усами», которые рассматривал в рамках раннего средневековья и в контексте культуры раннетюркских племен. Автор относил курганы с каменными грядами к мегаплановым сооружениям раннего средневековья. Истоки данной традиции исследователь предлагает искать

на востоке, в ареале тюркоязычных кочевников Центральной Азии. Через сравнение курганов с «усами» с мегаплановыми сооружениями из раннетюркского круга, как комплекс Хусуй (юг Синьцзяна), большие ограды могильника Кэрмуцы (Синьцзянский Алтай), автор выходит на сопоставление с древнетюркскими поминальными комплексами Саяно-Алтая и Монголии (Боталов, 2004: 22-23).

Функция. По мнению ученого, в курганах с «усами» головной курган играет роль центрального храма, а гряды – символических стен, оконтуривающих его пространство. Таким образом, они представляли собой культово-мемориальные сооружения, выполнявшие роль открытого храма, посвященного почитанию выдающегося члена общества (*культово-анцестральная функция*) (Боталов, 2004: 23-24). Таким образом, согласно С.Г. Боталову, курганы с «усами» и культово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные представления западных и восточных тюрков.

Семантика. Что касается смысла подобной структуры курганов с «усами», согласно мнению ученого, все элементы этого сооружения, организующие пространство на местности, отражают облик тюркского жилища – юрты (*моделирование пространства*). Пространственная ориентация тюркской юрты была строго связана со сторонами света: основная ось пролегла с запада на восток, с входом на востоке и главным местом («тор» – каз. *tör*) на западе. Жилище делилось на две части: южная половина (справа от «тора») была мужской, а северная (слева от «тора») – женской. Это противопоставление

южной и северной частей соотносится с наличием двух гряд (Боталов, 2004: 24-25).

И.А. Кукушкин. Придерживался точки зрения, высказанной ранее М.К. Кадырбаевым, согласно которой традиция сооружения курганов с «усами» зародилась в среде тасмолинского населения и сохранялась вплоть до раннего средневековья. Такое долговременное существование он объясняет, с одной стороны, тем, что тасмолинцы послужили этнокультурной основой для формирования тюркских племен, а с другой – универсальностью кочевого мировоззрения, обеспечившей устойчивость символических форм и ритуальных практик на протяжении веков.

Функция. Автор считает, что курганы с «усами» играли роль родоплеменных святилищ, культовых мест и могли выполнять функции некрополеобразующих сооружений, вокруг которых формировалась основная часть могильника (*культово-анцестральная функция*).

Семантика. Ритуальное устройство некрополеобразующих сооружений было обусловлено необходимостью сакрализации пространства на месте будущего могильника, а также маркировкой всей вновь осваиваемой социумом территории, в соответствии с обрядовой практикой и мировоззренческой моделью тасмолинского общества (*сакрализация пространства*). Также курганы с «усами» интерпретируются как материальное воплощение мифологического существа – горного солнечного козла, фактическим «заместителем» которого в ритуале выступал рогатый конь, чьими рогами/лучами символически

выступают каменные гряды (солярный культ) (Кукушкин, 2004).

И.В. Грудочко. Наиболее полно проработан имеющийся археологический материал, проанализировав следы ритуальной практики в курганах с «усами». Автор приходит к выводу, что курганы с каменными грядами представляли собой единоразовое жертвенно-поминальное сооружение, многочисленность которых свидетельствует о благополучном и стабильном проживании кочевого общества.

Функция. Основное назначение строительства таких курганов, по мнению исследователя, заключалось в проведении коллективных мероприятий – празднеств, встреч между аулами в весенне-летний период (*праздничная функция*), включая возможные поминальные обряды (*культово-анцестральная функция*). Масштаб и символическая значимость этих действий существенно выходили за рамки простого сооружения гряд и насыпей, что, вероятно, и объясняет отсутствие сопроводительного вещевого инвентаря. Сам процесс, как правило, завершался за короткий срок – около месяца, и включал совместное строительство кургана с «усами». Финальной стадией служила засыпка центральной площадки (кургана), чаще всего в виде заброски камнем.

Семантика. С точки зрения И.В. Грудочко, мнения А.Х. Маргулана и С.Г. Боталова наиболее близки к пониманию сакрального смысла курганов с «усами», поскольку рассматривают их с точки зрения организации пространства на местности, которая моделировала хозяйственную территорию или

бытовую сторону жизни общества (Грудочко, 2020: 85-93).

У.У. Умиткалиев, А.И. Яковлев и др. Интерпретации данной группы исследователей основаны на этнографических параллелях между курганами с «усами» и традиционными праздниками весенне-летнего равноденствия у казахов и якутов – Наурыз и Ысыах. Следует отметить, что У.У. Умиткалиев придерживается точки зрения о принадлежности курганов с «усами» тасмолинской культуре. Из этого следует, что, по мнению автора, истоки праздника Наурыз восходят к эпохе ранних кочевников, а именно – к началу I тысячелетия до н. э. (Умиткалиев, 2015; Умиткалиев, Тлеугабулов, 2015).

Хотя в совместной публикации с якутскими исследователями это не отражено, предполагается, что авторы подразумевают этнокультурную преемственность тюркских племен от сакских (в том числе тасмолинцев). Именно этим объясняется наличие параллелей между курганами с «усами» и праздниками Наурыз и Ысыах.

Функция. В своих работах У.У. Умиткалиев интерпретирует курганы с «усами» как сакральные объекты, связанные с архаическими верованиями казахов и ритуалами празднования дня весеннего равноденствия. В рамках сотрудничества с якутскими коллегами, на основе этнографических данных, курганы с «усами» рассматриваются как места проведения обрядовых мероприятий, аналогичных ритуалу туюсуга в рамках праздника Ысыах. В поддержку данной гипотезы авторы приводят следующие аргументы: ориентация объектов на восход солнца, а также планировочная схожесть «усов» с «аллеей» из сэргэ

(культово-праздничная функция) (Умиткалиев и др., 2024).

Семантика. Он указывает на наличие у казахов культа Солнца, что выражается, например, во встрече первого рассвета, а также в посвящении первого кумыса Солнцу. Особое внимание уделяется также обряду «аластау» (очищение огнем), для которого традиционно разжигались два костра (солярно-космогонические идеи).

Помимо археологического и этноархеологического подхода, в историографии существует и другой – астрономический (П.И. Мариковский, Н.М. Бекбасаров, О.О. Полякова и др.). Однако мы не будем подробно останавливаться на работах его представителей (Мариковский, 1977; Бекбасаров, 2004; Полякова и др., 2019). Лишь отметим, что данный подход не получил признания среди специалистов-археологов, обстоятельная критика которого была высказана А.З. Бейсеновым и И.А. Кукушкиным (Бейсенов, 1998; Кукушкин, 2004).

Таким образом, исследовательские позиции относительно функционально-семантического значения курганов с «усами» могут быть классифицированы в рамках трех подходов – археологического, этноархеологического и астрономического, в соответствии с которыми данные сооружения интерпретируются с различным содержательным акцентом.

Отличие между этими подходами заключается, прежде всего, в том, какие источники и типы данных играют ключевую роль в интерпретациях исследователей. Археологический подход характеризуется тем, что при

попытках осмыслить назначение курганов с «усами» ученые опираются преимущественно на археологический материал, включая планиграфию, планировку, ориентировку, стратиграфию, а также анализ отсутствия погребений и вещественных находок. При этом следует отметить, что привлечение письменных источников, как это демонстрируют М.К. Кадырбаев и С.Г. Боталов, позволяет существенно уточнить интерпретацию отдельных ритуалов.

Этноархеологический подход также базируется на археологическом материале, однако в вопросах интерпретации активно использует этнографические данные. Это делает его привлекательным для культурологических исследований, поскольку дает возможность сопоставить элементы «живой» культуры с реконструируемыми аспектами «мертвой» культуры, формируя более целостное представление о мировоззрении древних кочевых обществ.

Результаты

Для анализа всех вышеуказанных интерпретаций необходимо зафиксировать современные достижения в изучении курганов с «усами»:

1. Курганы с «усами» представляют собой единовременные и одноразовые ритуальные сооружения, не связанные с погребальной практикой;

2. Хронологически данные памятники могут быть отнесены к IV–VII вв., с возможной перспективой удревнения восточных комплексов до II–III вв. (Грудочко, 2020);

3. Традиция сооружения курганов с «усами», вероятно, восходит к

кочевым племенам восточной части Центральной Азии, которые впоследствии продвинулись до территорий современной Румынии, где зафиксирован самый западный из известных комплексов (Braşoveanu etc., 2024);

4. Вероятно, что носителями данной традиции являются племена раннетюркского круга (С.Г. Боталов, И.В. Грудочко), миграцию которых и маркируют курганы с «усами»;

5. В степях Урало-Казахстанского региона курганы с «усами» не сопровождаются погребальными памятниками раннетюркского времени и не формируют самостоятельных погребальных групп. Вместо этого они располагаются на территории более ранних могильников, преимущественно сакского времени;

6. Ритуальные элементы, выявленные в составе курганов с «усами», включают установку сосуда (в 64 случаях), кости животных (в частности в 12 случаях – полные скелеты или отдельные части лошади), следы огня (в 20 случаях), а также, в редких случаях, предметный комплекс (Грудочко, 2020: 85-93).

Таким образом, с учетом культурно-хронологических факторов можно утверждать, что интерпретации, связывающие курганы с «усами» с тасмолинской, шире – сако-скифской принадлежностью, в настоящее время теряют актуальность. В связи с этим интерпретации М.К. Кадырбаева, И.А. Кукушкина и отчасти А.М. Оразбаева, основанные на религиозно-мифологических представлениях сако-скифских племен, в рамках современных исследований вряд ли могут быть поддержаны. К тому же стоит отметить, что И.А. Кукушкин

рассматривал семантику курганов с «усами» в тесной связи с погребениями, совершенными в кургане-доминанте тасмолинского времени. С точки зрения современных взглядов курганы-доминанты с погребениями и собственно курганы с «усами» являются разновременными сооружениями, вследствие чего их нельзя совместно рассматривать в рамках единого погребально-ритуального контекста.

Аналогичное замечание касается и интерпретации С.С. Сорокина, который, хоть и отметил разновременность курганов с погребениями и курганов с «усами», все же рассматривал их в рамках погребального и поминального обряда тасмолинского времени. Таким образом, хоть и культово-анцестральная функция, выраженная в виде поминок по умершему, является основной гипотезой, в таком виде она не находит подтверждения.

В то же время заслуживает внимания идея сквозного принципа, лежащего в основе мировоззренческой системы кочевников. С этой точки зрения интерпретации А.З. Бейсенова отличаются универсальностью и могут быть применимы как к сакским, так и к раннетюркским племенам.

Однако стоит остановиться на одном моменте. В его ранней работе по этой теме говорится о родовом кладбище (тасмолинского населения), где возводились курганы с каменными грядами. Если мы говорим о современном прочтении данного явления, необходимо отметить, что курганы с «усами» не были приурочены к существующему кладбищу (А.З. Бейсенов) раннетюркского населения, и не выступали в качестве некрополеобразующего центра (И.А. Кукушкин) для раннетюркских

племен. Тем не менее, это не исключает культово-анцестрального назначения курганов с «усами».

Одной из значимых является интерпретация, связанная с культово-праздничной функцией курганов с «усами». Однако сторонников этноархеологического подхода археологическая сторона вопроса часто проработана недостаточно. Так, праздничная гипотеза не объясняет расположение курганов с «усами» на территории древних могильников. В работах исследователей не отмечается, что казахи или якуты праздновали солнцестояние на территории кладбищ своих предков. Также в рамках этой гипотезы остается неясным наличие антропоморфных каменных изваяний и предметов вооружения в составе курганов с «усами». В целом, элементы ритуальной практики, выявленные в курганах с «усами», слабо отражаются в празднике Наурыз. Даже если рассматривать Наурыз как упрощенную модель более древних торжеств, эта гипотеза требует дополнительного обоснования. Аналогичные замечания касаются и сравнения с якутским праздником Ысыах. Таким образом, не отрицая возможного культово-праздничного назначения курганов с каменными грядами, следует подчеркнуть необходимость более тщательной проработки археологических и этнографических связей при использовании этноархеологического подхода.

И.В. Грудочко, наиболее последовательно проработавший фактическую сторону вопроса, также предполагает праздничное назначение курганов с «усами». Однако, в отличие от казахстанских и якутских

исследователей, он не акцентирует внимание на весенне-летних праздниках солнцестояния, указывая лишь на возможность проведения торжеств в этот период. Тот факт, что содержание этих празднеств не конкретизируется им, указывает на трудности интерпретации, обусловленные ограниченностью археологического материала.

Аналогичные замечания относятся к интерпретации А.Х. Маргулана. Ритуально-очистительная функция, основанная на сопоставлении с казахскими обычаями, объясняет лишь наличие каменной насыпи, оставляя без внимания остальные особенности курганов с «усами». Кроме того, в таком случае на подавляющем большинстве курганов должны были бы фиксироваться термические следы значительной степени интенсивности, оставшиеся в результате обряда с применением огня. Однако археологический материал не подтверждает массового характера сожжения подкурганного пространства, на месте которого якобы была юрта.

Также вызывает сомнение идея пространственного моделирования. Концепция А.Х. Маргулана о пространственном коде, заложенном в расположении курганов с «усами», не получила подтверждения в последующих исследованиях. Данные о том, что курган с «усами» (загон для скота) окружался другими курганами (юртами), напоминая кочевой аул, скорее всего, базируются на единичном примере, вдохновившем исследователя на данное сопоставление. Если предположить, что в расположении курганов с «усами» был подобный замысел, то в дальнейшем они должны

были быть окружены единокультурными погребальными сооружениями. Однако, как отмечалось выше, подобные случаи в археологической практике не зафиксированы.

Наконец, неясна аргументация ассоциации головного кургана с Солнцем. В частности, А.Х. Маргулан пишет: «Одна из разновидностей кольцевых оград составляет так называемое «солнце», или каменные насыпи, напоминающие по плану солнечный диск и имеющие две лучеобразные каменные выкладки, обращенные к востоку» (Маргулан, 1948а: 122). Из контекста следует, что «солнечные диски» представляют собой сакские каменные кольца, к которым позднее были пристроены курганы с «усами», как, например, на памятниках Тандайлы-2 (Бейсенов и др., 2016) и Каратобе (Айткали и др., 2019).

Та же критика применима к интерпретации С.Г. Боталова, сопоставившего курганы с «усами» с юртой. Данное сопоставление не объясняет все многообразие типов курганов с «усами». Кроме того, нельзя считать доказанным, что один из «усов» обязательно длиннее другого. Следовательно, гипотезы, основанные на пространственном моделировании, в настоящее время выглядят недостаточно убедительно.

Заключение

Подытоживая вопрос культурно-хронологической атрибуции курганов с «усами», представляется, что данные комплексы были оставлены раннетюркскими племенами, продвигавшимися в западном направлении. Если учесть тот факт, что практика пристройки курганов с «усами» к сакским курганам широко

распространена в Сарыарке, а западнее начинает преобладать простой тип Ia (по И.В. Грудочко), можно предположить, что на начальном этапе расселения племени с традицией сооружения курганов с «усами» пытались приобщиться к чуждой для них среде. С этим стремлением связано не только почитание могил предков, но и повторное использование каменных изваяний саков в этих комплексах (Бейсенов, 2017: 36).

Что касается функционально-семантических интерпретаций, на наш взгляд, наиболее убедительными в рамках современной научной парадигмы являются гипотезы А.З. Бейсенова и С.Г. Боталова. Как показано выше, А.З. Бейсенов опирается преимущественно на археологические данные, в то время как С.Г. Боталов дополняет их сведениями письменных источников, описывающих погребальный обряд древних тюрков.

По С.Г. Боталову курган с «усами» представляет собой храм, посвященный почитанию выдающегося члена общества, что не противоречит идее врат по А.З. Бейсенову, направляющих душу покойного («героя») в обитель предков. В обоих случаях курганы с «усами» интерпретируются как культово-мемориальные комплексы, связанные с почитанием высокостатусного усопшего. Общая картина обряда, проиллюстрированная С.Г. Боталовым на основе письменных источников, вполне сопоставима с археологической картиной, на основе которой А.З. Бейсенов пишет о сложном поминальном обряде. Семантическая основа этих комплексов тесно связана с мировоззрением древних тюрков и отражает их трансцендентно-эсхатологические и космогонические

представления.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: курганы с «усами» представляют собой культово-мемориальные комплексы, оставленные раннетюркскими племенами и выполнявшие культово-анцестральные функции. С одной стороны, они были связаны с отправлением души высокостатусного усопшего в загробный мир (врата), с другой – с почитанием его памяти (храм). Помимо того, эти сооружения отражают особое отношение кочевников к духам предков, места упокоения которых или место поминок по которым всегда воспринимались как сакральное пространство.

В их устройстве отражены ключевые элементы мировоззрения древних тюрков, в частности представления о восточном направлении как пути в страну предков, о жертвоприношении как средстве умиловления духа умершего, о коне как проводнике в загробный мир и обогнекающей силе. Наличие каменных менгиров или изваяний в концах «усов» или в самих каменных грядах также играет важную ритуальную роль в контексте мировоззрения древних тюрков. Подобные случаи зафиксированы на памятниках Кырыкунгир (Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016), Ашутасты-2 (Базарбаева, Джумабекова,

2017), Койшоки (Бейсенов и др., 2020). Следует, однако, отметить, что в отличие от храмовых комплексов Монголии, установка изваяний в курганах с «усами» носит весьма скромный характер. Кроме того, в этих комплексах использованы изваяния сакского происхождения и так называемые «оленные камни».

Исходя из историографического анализа, можно сделать вывод, что раскрытие функционально-семантического значения археологического памятника представляет собой крайне сложную задачу. Анализ интерпретаций ученых показывает, что в этом вопросе необходимы надежное определение культурно-хронологической принадлежности памятников и комплексный подход, при котором учитываются все аспекты рассматриваемых объектов: от особенностей расположения на местности до отдельных находок и их контекста. При этом те или иные наблюдения должны быть подтверждены множеством исследований на аналогичных памятниках. Рассматривая идеи ряда исследователей с этой точки зрения, можно выявить недостатки их интерпретаций, связанные с избирательностью при сопоставлениях или недостаточной подтвержденностью их на примере других памятников.

Литература

1. Айткали А.К., Жунисханов А.С., Дюпюи П., Исин А.И., Рахманкулов Е., 2019. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. В 2 кн. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 82-87.
2. Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С., 2017. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. Т. 6. № 2 (19). С. 117-121.
3. Бейсенов А.З., 1996. Культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального

Казахстана // Известия МН–АН РК. Серия общественных наук. № 2 (207). С. 31-40.

4. Бейсенов А.З., 1998. Об астрономических исследованиях на курганах с каменными грядами (по поводу статьи Н.М. Бекбасарова «Курган с «усами» на реке Сага: астрономическое содержание расположения его элементов») // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы, Москва: «Гылым», 1998. С. 171-175.

5. Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В., 2016. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы-2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5. С. 233-239.

6. Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Кулькова М.А., 2016. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыққүңгір (Восточная Сарыарка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 5. С. 249-255.

7. Бейсенов А.З., 2017. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: НИЦ истории и археологии «Бегазы-Тасмола» С. 31-37.

8. Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш., Дуйсенбай Д.Б., 2020. Олений камень на кургане с «усами» в долине Койшоқы в Центральном Казахстане // Археологические вести. № 26. С. 166-177.

9. Бекбасаров Н.М., 2004. Курганы с «усами» и обрядовый календарь кочевников Евразии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы, Омск. С. 131-131.

10. Боталов С.Г., 2004. Семантика погребально-поминальных пантеонов раннетюркского периода // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ООО «Рифей». С. 22-25.

11. Грудочко И.В., 2020. Курганы с «усами». Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт: Martin Opitz Kiadó – RPKE BTK Régészettudományi Intézet – BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport. 352 с.

12. Кукушкин И.А., 2004. Курганы с «усами»: семантический аспект // Новые исследования по археологии Казахстана: труды науч.-прак. конф. Маргулановские чтения–15. Алматы. С. 33-37.

13. Маргулан А.Х., 1948а. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия историческая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. №4 (49). С. 119-145.

14. Маргулан А.Х., 1948б. К изучению памятников района р. Сарысу и Улытау // Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948б. №2 (35). С. 53-60.

15. Мариковский П.И., 1977. О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата: Наука. №5. С. 54-61.

16. Оразбаев А.М., 1969. Курган «с усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР. С. 175-191.

17. Полякова О.О., Голев О.А, Голева Л.П., Голева М.О., 2019. Усть-Ташлинский курган с «усами» в Оренбургской области // АаАТес. №1. С. 90-147.

18. Сорокин С.С., 1981. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 22. С. 23-39.

19. Умиткалиев У.У., 2015. Курганы с «усами» как место проведения древних традиционных обрядов и обычаев // Великий Шелковый путь и Казахское ханство на рубеже тысячелетий. Тараз: Изд-во Таразского инновационно-гуманитарного университета. С. 109-113.

20. Умиткалиев У.У., Тлеугабдулов Д.Т., 2015. Курганы «с усами» и архаические верования казахов // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. № 4. С. 67-72.

21. Умиткалиев У.У., Яковлев А.И., Тлеугабдулов Д.Т., Необутова Н.И., 2024. Пространственная организация памятника «Қырыққүңгір» и мест проведения современного

традиционного праздника ысыах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1. С. 28-41.

22. Braşoveanu C., Asăndulesei A., Brunchi R.-A., Cotiugă V., 2024. Mounds of Fire! The Tumular Necropolis of Borşa-La Cişmele (Vlădeni, Iaşi County) // *Studia Antiqua et Archaeologica*. 2024. T. 30, № 2. С. 399-409.

References

1. Aitkali A.K., Zhuniskhanov A.S., Dupuy P., Isin A.I., Rakhmankulov E., 2019. Kurgany s «usami» Vostochnogo Kazakhstana [Mounds with 'whiskers' of Eastern Kazakhstan] // *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarykh issledovaniy*. V 2 kn. Kn. 1. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN. Pp. 82-87. [in Russian].

2. Bazarbaeva G.A., Dzhumabekova G.S., 2017. Novoe izvayanie epokhi rannikh kochevnikov iz Turgaya [A new statue of the Early Nomadic period from Turgay] // *Samarskiy nauchnyy vestnik*. T. 6. № 2 (19). Pp. 117-121. [in Russian].

3. Bejsenov A.Z., 1996. Kultovo-ritualnye sooruzheniya drevnikh nomadov Tsentral'nogo Kazakhstana [Cult and ritual structures of ancient nomads of Central Kazakhstan] // *Izvestiya MN-AN RK. Seriya obshchestvennykh nauk*. № 2 (207). Pp. 31-40. [in Russian].

4. Bejsenov A.Z., 1998. Ob astronomicheskikh issledovaniyakh na kurganakh s kamennymi gryadami (po povodu stat'i N.M. Bekbasarova «Kurgan s "usami" na reke Saga: astronomicheskoe sodержanie raspolozheniya ego elementov») [On astronomical research on barrows with stone ridges (regarding the article by N.M. Bekbasarov)] // *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. Vyp. 2. Almaty, Moskva: Gylym. Pp. 171-175. [in Russian].

5. Bejsenov A.Z., Dujsenbai D.B., Akhiyarov I.K., Svyatko S.V., 2016. Radiouglerodnye daty kurgana s «usami» iz mogilnika Tandayly-2 v Tsentralnom Kazakhstane [Radiocarbon dates of the 'whiskered' barrow from the Tandayly-2 burial site in Central Kazakhstan] // *Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury*. Vyp. 5. Pp. 233-239. [in Russian].

6. Bejsenov A.Z., Umitkaliev U.U., Kulkova M.A., 2016. Radiouglerodnaya data kurgana s «usami» Kyrykungir (Vostochnaya Saryarka) [Radiocarbon date of the 'whiskered' barrow of Kyrykungir (Eastern Saryarka)] // *Evraziya v kajnozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury*. Vyp. 5. Pp. 249-255. [in Russian].

7. Bejsenov A.Z., 2017. Kurgany s «usami» Tsentralnogo Kazakhstana ['Whiskered' barrows of Central Kazakhstan] // *Arkheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazakhstana: izuchenie i sokhranenie*. Almaty: NITs istorii i arkheologii «Begazy-Tasmola». Pp. 31-37. [in Russian].

8. Bejsenov A.Z., Akhiyarov I.K., Dzhumanazarov N.Sh., Dujsenbai D.B., 2020. Oleniy kamen na kurgane s «usami» v doline Koishoky v Tsentralnom Kazakhstane [Deer stone on a 'whiskered' barrow in the Koishoky valley in Central Kazakhstan] // *Arkheologicheskie vesti*. № 26. Pp. 166-177. [in Russian].

9. Bekbasarov N.M., 2004. Kurgany s «usami» i obryadovyy kalendar kochevnikov Evrazii ['Whiskered' barrows and ritual calendar of Eurasian nomads] // *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Almaty, Omsk. Pp. 131-131. [in Russian].

10. Botalov S.G., 2004. Semantika pogrebal'no-pominalnykh panteonov rannetyurkского периода [Semantics of funerary-commemorative pantheons of the Early Turkic period] // *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale*. Chelyabinsk: OOO «Rifey». Pp. 22-25. [in Russian].

11. Grudochko I.V., 2020. Kurgany s «usami». Epokha pozdnej drevnosti i rannogo srednevekovyа uralo-kazakhstanskikh stepej (IV–VII vv. n.e.) ['Whiskered' barrows. Late Antiquity and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4th–7th centuries AD)]. Budapest: Martin Opitz Kiado – PPKE BTK Regeszettudomanyi Intezet – BTK Magyar Ostorteneti Temacsoport. 352 p. [in Russian].

12. Kukushkin I.A., 2004. Kurgany s «usami»: semanticheskij aspekt [‘Whiskered’ barrows: semantic aspect] // *Novye issledovaniya po arkheologii Kazakhstana: trudy nauch.-prak. konf. Margulanovskie chteniya*–15. Almaty. Pp. 33-37. [in Russian].
13. Margulan A.Kh., 1948a. Arkheologicheskie razvedki v Tsentralnom Kazakhstane (1946 g.) [Archaeological surveys in Central Kazakhstan (1946)] // *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoi SSR. Seriya istoricheskaya*. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. № 4 (49). Pp. 119-145. [in Russian].
14. Margulan A.Kh., 1948b. K izucheniyu pamyatnikov rajona r. Sarysu i Ulytau [Toward the study of monuments of the Sarysu river and Ulytau region] // *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. № 2 (35). Pp. 53-60. [in Russian].
15. Marikovskij P.I., 1977. O drevnikh astronomicheskikh sooruzheniyakh na territorii Kazakhstana [On ancient astronomical structures in the territory of Kazakhstan] // *Vestnik Akademii nauk Kazakhskoi SSR*. Alma-Ata: Nauka. № 5. Pp. 54-61. [in Russian].
16. Orazbaev A.M., 1969. Kurgan «s usami» v mogilnike Dzhanaýdar kak arkhitekturnyj pamyatnik [The ‘whiskered’ barrow in the Dzhanaýdar burial ground as an architectural monument] // *Kul’tura drevnikh skotovodov i zemledel’tsev Kazakhstana*. Alma-Ata: Nauka KazSSR. Pp. 175-191. [in Russian].
17. Polyakova O.O., Golev O.A., Goleva L.P., Goleva M.O., 2019. Ust-Tashlinskij kurgan s «usami» v Orenburgskoj oblasti [The Ust-Tashlinsky ‘whiskered’ barrow in the Orenburg region] // *AaATec*. № 1. Pp. 90-147. [in Russian].
18. Sorokin S.S., 1981. K voprosu o tolkovanii vnekurgannykh pamyatnikov rannikh kochevnikov Azii [On the interpretation of non-barrow monuments of early nomads of Asia] // *Arkheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. Vyp. 22. Pp. 23-39. [in Russian].
19. Umitkaliev U.U., 2015. Kurgany s «usami» kak mesto provedeniya drevnikh traditsionnykh obryadov i obychayev [‘Whiskered’ barrows as sites of ancient traditional rites and customs] // *Velikij Shelkovyj put’ i Kazakhskoe khanstvo na rubezhe tysyacheletij*. Taraz: Izd-vo Tarazskogo innovatsionno-gumanitarnogo universiteta. Pp. 109-113. [in Russian].
20. Umitkaliev U.U., Tleugabulov D.T., 2015. Kurgany «s usami» i arkhaiskie verovaniya kazakhov [‘Whiskered’ barrows and archaic beliefs of the Kazakhs] // *Nauchnyj Al’mankh assotsiatsii France-Kazakhstan*. № 4. Pp. 67-72. [in Russian].
21. Umitkaliev U.U., Yakovlev A.I., Tleugabulov D.T., Neobutova N.I., 2024. Prostranstvennaya organizatsiya pamyatnika «Kyryungir» i mest provedeniya sovremennogo traditsionnogo prazdnika ysyakh [Spatial organization of the site ‘Kyrykungir’ and places for the modern traditional celebration of Ysyakh] // *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2024. № 1. Pp. 28-41. [in Russian].
22. Braşoveanu C., Asăndulesei A., Brunchi R.-A., Cotiugă V., 2024. Mounds of Fire! The Tumular Necropolis of Borşa-La Cişmele (Vlădeni, Iaşi County) // *Studia Antiqua et Archaeologica*. 2024. T. 30, № 2. Pp. 399-409.

Рысбергенов М.

«Бозоқ» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы

Астана, Қазақстан

e-mail: rysbergenov.mussa@mail.ru

ТАС ҚАТАРЛАРЫ БАР ҚОРҒАНДАРДЫҢ ФУНКЦИОНАЛДЫ-СЕМАНТИКАЛЫҚ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕРІ: ТАРИХНАМАЛЫҚ ШОЛУ

Аңдатпа. Мақала Орталық Азия мен Шығыс Еуропаның далалық аймақтарында, негізінен Орал-Қазақстан өңірінде таралған «мұртты» обалар ретінде белгілі тас қатарлары бар қорғандардың функционалды-семантикалық талдауына арналған. Археологиялық деректерге, тарихнамалық шолуға және салыстырмалы талдауға сүйене отырып, автор бұл ескерткіштердің ерте түркі дәуіріне (IV–VII ғасырлар) жататынын және культті-мемориалдық маңызға ие деген тұжырым жасайды. Зерттеуде олардың функционалды-семантикалық мәні бойынша түрлі гипотезалар қарастырылған. Зерттеушілердің көзқарастары заманауи мәдени-хронологиялық түсініктерді ескере отырып талданады. Бұл құрылыстарға тән негізгі функциялар ғылыми негізде айқындалған. Олардың қатарында ата-баба рухтарына табынуға байланысты культтік-анцестралдық, күнге табынуға қатысты культтік-солярлық, сондай-ақ мерекелік, тазарту рәсімдерімен байланысты және басқа да сакралды сипаттағы қызметтер бар. А.З. Бейсенов пен С.Г. Боталовтың тұжырымдарына ерекше назар аударылған. Зерттеушілердің пікірі бойынша, «мұртты» обалар қоғамда ықпалды болған адамдарға (марқұмдарға) арналған ескерткіш храмдар және өлімнен кейінгі әлемге апаратын қақпалар қызметін атқарған. Мақалада сондай-ақ, ритуалдық элементтер талданады: ыдыстарды орнату, жылқыларды құрбандыққа шалу, отты пайдалану, тас мүсіндердің орналасуы. Зерттеуде бұл ескерткіштерді кешенді талдаудың маңыздылығын айқындалып, нәтижесінде «мұртты» қорғандарды ежелгі түріктердің ата-баба культімен, сакралды кеңістікпен және космогониялық бағдарлармен байланысты трансцендентті дүниетанымының көрінісі ретінде қарастыру ұсынылады.

Кілт сөздер: Еуразияның далалық белдеуі, «мұртты» қорғандар, тас қатарлары бар қорғандар, функционалды-семантикалық интерпретация.

Дәйексөз үшін: Рысбергенов М. Тас қатарлары бар қорғандардың функционалды-семантикалық түсініктемелері: тарихнамалық шолу // Мәдени мұра. 2025. № 2 (109). 109-125 бб. (орыс.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.07>

Rysbergenov M.

State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok"

Astana, Kazakhstan

e-mail: rysbergenov.mussa@mail.ru

FUNCTIONAL AND SEMANTIC INTERPRETATIONS OF KURGANS WITH STONE ALIGNMENTS: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Abstract. This article is devoted to the functional and semantic analysis of burial mounds with stone ridges, known as kurgans with "mustaches", which are widespread in the steppe regions of Central Asia and Eastern Europe, predominantly in the Ural-Kazakhstan area. Based on archaeological data, historiographic review, and comparative analysis, the author concludes that these monuments date back to the Early Turkic period (4th–7th cc.) and have a cult-memorial purpose. The work examines various hypotheses regarding their functional and semantic significance. Researchers' views are analyzed considering modern cultural and chronological frameworks. Key attributed functions are outlined: cult-ancestral, cult-solar, festive, ritual-purifying, among others. Particular attention is given to the concepts of A.Z. Bejsenov and S.G. Botalov, according to which kurgans with "mustaches" function as temples of memory and gates to the afterlife for high-status deceased individuals. Elements of ritual practice are analyzed: the placement of vessels, horse sacrifices, use of fire, and the presence of stone sculptures. The study emphasizes the importance of a comprehensive approach to the investigation of these monuments. As a result, kurgans with "mustaches" are proposed to be considered as an expression of the transcendent beliefs of ancient Turks, associated with ancestor worship, sacred space, and cosmological orientations.

Keywords: Eurasian Steppe Belt, kurgans with "mustaches", kurgans with stone alignments, functional and semantic interpretation.

For citation: Rysbergenov M. Functional and semantic interpretations of kurgans with stone alignments: a historiographical review // Madeni mura. 2025. № 2 (109). Pp. 109-125 (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.07>

Сведения об авторе:

Рысбергенов Муса Ахатулы, магистр гуманитарных наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», Астана, Казахстан.

ORCID: 0009-0009-5797-8054

Автор туралы мәлімет:

Рысбергенов Мұса Ахатұлы, гуманитарлық ғылымдар магистрі, «Бозоқ» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығы, Астана, Қазақстан.

ORCID: 0009-0009-5797-8054

Information about author:

Rysbergenov Musa Ahatuly, Master of Arts, State Historical and Cultural Museum-Reserve "Bozok", Astana, Kazakhstan.

ORCID: 0009-0009-5797-8054